

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ НА РУБЕЖЕ
XIX–XX ВВ. (НА МАТЕРИАЛАХ НАРОДОВ
СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)¹**

Россия – многонациональное государство, полиэтничность которого и в XXI столетии продолжает оставаться одной из его особенностей. Как отмечает Тишков В.А., «несмотря на то, что этноконфессиональные различия часто выступают факторами конфликтности и причинами нетерпимости и насилия... этническое и религиозное многообразие и так называемая многонациональность российского народа составляют его богатство, его силу и более того – они есть условие развития страны» [10, с. 5]. Многонациональный состав населения российского общества, федерация на основе национально-территориального принципа являются неперенным условием политики РФ.

Разностатусность и неоднородность составляющих федерацию субъектов делают ее своего рода уникальным явлением. Стремлением трансформировать федерализм, укрепить федеративные контакты внутри государства, стабилизировать национальные отношения и взаимосвязи между регионами и центром, а главное, сохранить государственное единство и обеспечить этнополитическое равновесие страны, вызваны административные поиски в РФ. Следовательно, обращение к истории национальных отношений и к опыту национальной политики России в качестве предмета научного исследования весьма актуально.

Этническая парадигма России наглядно стала проявляться в конце XIX–начале XX в., когда национально-освободительное движение русских народов империи превратилось в оппозиционную силу царизму. Повышенная революционность масс в начале XX в. – итог политического, социально-экономического и культурного развития России, внутренней и внешней политики царского самодержавия. Первая революция 1905–1907 гг., парламентаризм в лице Государственной думы, активная позиция политических партий, аграрная реформа П.А. Столыпина и Первая мировая война оказали решающее влияние на историю России. Революционность общества дополнялась этническим противостоянием.

¹ Исследование выполнено в рамках госконтракта 16.740.11.0408.

Проводившаяся самодержавием политика национального угнетения или великодержавного шовинизма имела свою специфику. Так, в первой половине XIX в. для евреев была введена своеобразная «черта оседлости» – разрешаемая государством территория их проживания, с 1864 г. начинают ущемляться права поляков-католиков [11, с. 34–35]. Большинство этносов страны именовалось «иностранцами». Русификация и христианизация справедливо рассматривались народами как угнетение. В связи с общероссийскими событиями и революционностью масс на рубеже XIX–XX вв. в России начинает активизироваться этническая интеллигенция, которая, несмотря на то, что основные массы многочисленных народов империи были далеки от осознанного восприятия происходивших событий, активно выражала их пробуждавшиеся интересы. Она, как правило, настаивала на способности этносов к созданию собственной государственности.

Не случайно возникшие в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. политические партии считали необходимым включение в программные документы в качестве обязательных идеи по национальному вопросу. От того, насколько адекватно партия отражала в своей идеологии стремления этносов к равноправию и какое будущее она им предлагала, во многом зависела ее политическая судьба в борьбе за власть. Составляя в начале XX в. 57 % населения России, этносы превращались в реальную силу, поддержка которых могла предоставить существенные преимущества. Партия большевиков во главе В.И. Лениным умело использовала эту возможность, что сыграло далеко не последнюю роль в победе пролетарской революции и установлении в стране советской власти.

Этническое движение народов Среднего Поволжья отличалось своей спецификой. Представляя восточную провинцию Центральной России, Среднее Поволжье в то же время находилось в сравнительной близости от Москвы. В целях безопасности и сохранения спокойствия центральная власть стремилась разобщить многочисленные народы восточных провинций, подавить их самобытность и своеобразие. Однако политика угнетения объединяла народы, единые цели сплачивали всех, проживавших на этой территории. Постепенно протест расширялся и усиливался. События рубежа XIX–XX вв. активизировали общество в борьбе против самодержавия.

Таким образом, Российская империя в начале XX в., представляя собой одно из крупнейших государств мира, обладала значительными революционными силами, немаловажную роль среди которых играла

этническая интеллигенция. Национальное движение неизбежно расшатывало великодержавный российский «колос», создавая необходимые предпосылки для его падения и создания нового, базировавшегося на принципиально иной, советской структуре власти.

Среднее Поволжье в основном было представлено Казанской, Симбирской, Самарской, Нижегородской и Пензенской губерниями, отличавшимися мультиэтничностью. Особенно характерно в данном отношении выделялись Казанская и Симбирская губернии. Территория Марийского края до 1917 г. располагалась в трех губерниях: Казанской (около 60 %), Вятской (30 %) и Нижегородской (10 %) [9, с. 5]. Мордва, также не обладая ранее самостоятельной административно-территориальной единицей, входила в Пензенскую, Симбирскую, Тамбовскую и Нижегородскую губернии. Этнос был настолько дисперсно расселен, что основную массу населения края составляли русские. Поэтому для мордвы начала XX в. характерны разбросанность в составе нескольких губерний, как итог исторически длительного проживания в русскоязычной среде предрасположенность к ассимиляции со стороны русских и ярко выраженное двуязычие.

Чуваши достаточно компактно проживали на территории Цивильского, Чебоксарского, Ядринского, Козьмодемьянского и Тетюшского уездов Казанской, а также Алатырского, Буинского и Курмышского уездов Симбирской губерний. Если говорить о максимальной сосредоточенности этноса, то следует ограничиться Цивильским, Чебоксарским и Ядринским уездами Казанской губернии, которые традиционно назывались «Чувашский край» или «Чувашия». Именно Чувашия является коренной территорией титульного чувашского этноса. Так, например, в середине XIX в. в Чебоксарском уезде Казанской губернии числилось 85 500 жителей (горожане – 4 736 человек), из которых 70,1 % – чувашаи, 16,8 – русские, 10,7 – луговые марийцы, 2,4 % – татары; в Ядринском уезде – 108 400 жителей (горожане – 2 513 человек), из них 89,6 % – чувашаи, 10,4 % – русские [2, с. 3].

Таким образом, мари, мордва, русские, татары, чувашаи составляют абсолютное большинство Среднего Поволжья, его коренные или титульные этносы. Главным «достижением» политики царского самодержавия по отношению к нерусским народам России, в том числе и Среднего Поволжья, стал низкий уровень их социально-экономического и культурного развития. Так, на территории наибольшего распространения марийского и чувашского населения в начале XX в. насчитывалось около 30 предприятий полукустарного производства, а в районах

современной Мордовии действовали заводы, которые лишь условно можно назвать промышленными [6, с. 98].

Кустарное и полукустарное производство наиболее тесно было связано с лесными массивами региона. Широкое распространение получили здесь производство смолы, дегтя, скипидара и древесного угля, кожевенное производство, кулеткачество, сплав по реке, гончарное и винокуренное дело, производство мочала, чем занималось, что естественно для аграрного региона, главным образом сельское население. Машинная индустрия в регионе отсутствовала, механизация практически не применялась, преобладал ручной труд. Поэтому говорить о сколько-нибудь развитой в Среднем Поволжье промышленности не приходится.

В Казанской губернии на каждую тысячу населения приходился 821 человек, не умевший ни читать, ни писать. Наиболее высокими показателями образованности отличалось татарское население: среди мужчин – 24,95, среди женщин – 11,1 % грамотных [6, с. 79]. В сравнении с другими этносами региона (кроме русских) татары имели более высокий уровень национального самосознания, в чем значительную роль сыграли историческое прошлое и консолидировавшие население традиции ислама.

Чуваши имели соответственно – 13,22 и 1,05 % [6, с. 78–79]. Грамотность марийского этноса, по некоторым данным, составляла 9,86 % (очень низкий показатель в сравнении с родственными марийцам эстонцами – 94,1 %) [13, с. 14]. Перепись начальных школ, проведенная в 1911 г., свидетельствовала о том, что охват детей школьного возраста обучением на 100 жителей составлял: среди мордвы – 2,63, чувашей – 3,52 % [3, с. 124].

Крайне отсталым и запущенным в регионе являлось здравоохранение. Среди народов Среднего Поволжья широчайшее распространение получили саркома, туберкулез, венерические болезни. Например, самым высоким уровнем заболеваемости сифилисом из восьми уездов Пензенской губернии отличался Саранский уезд, в котором превалировало мордовское население [12, л. 1]. К 1913 г. в России на каждую тысячу умирало 29 человек – наиболее высокий показатель смертности в мире [7, с. 11]. На территории Татарии он равнялся 30,9, Чувашии – 34,5 [7, с. 11]. В Чувашском крае и среди мари средняя продолжительность жизни населения в начале XX в. составляла чуть более 30 лет.

Однако политика русификации имела и некоторые позитивные моменты для «инородцев» Среднего Поволжья. Так, не следует оставлять

без внимания двойственный процесс: с одной стороны, формирование и укрепление межнационального средневожского сообщества, в котором русские начали играть далеко не последнюю роль, с другой – повышение сплоченности и корпоративности этносов в борьбе с царским режимом. Поэтому постепенно складывалось особое самовосприятие населения региона. В отличие от других районов представители Среднего Поволжья говорили: «я – волжанин» или «я – с Волги, Суры, с Камы, Оки».

Самоидентификация определялась не только единым историческим прошлым и территорией, но и языком, образом жизни, межличностными отношениями, нравами и обычаями, традициями народов – всем тем, что составляет их духовную и материальную культуру. И несмотря на стабильное намерение абсолютизма разобщить этнические общности путем административно-территориального деления страны, рассредоточить этносы с целью невозможности их консолидации и складывания монолитной противоборствующей самодержавию силы, представители народов отличали «своих» по этническим признакам. Во всяком случае, к концу XIX – началу XX в. народы Среднего Поволжья безошибочно могли относить себя к казанским, кряшеным татарам, мокше, эрзе, черемисам, чувашам.

Основной массой населения региона являлось крестьянство. Сложными общинами, дальнеземельем, узкими полосами, чересполосицей отличались крестьянские хозяйства Марийского края и Чувашии, что совместно с рутинной техникой земледелия и малоземельем крестьян становилось причиной отсталости их сельского хозяйства.

В связи с отменой крепостного права и развитием капитализма в конце XIX – начале XX в. внутри общины начался процесс расслоения крестьян, обострявший противоречия между бедной и зажиточной частью общинников. Тем не менее недоверие к властям (их взгляд на общину как на источник дохода, вследствие чего и происходило обнищание основной массы общинного крестьянства) объединяло сельское общество для защиты своих интересов в борьбе против всего нового, что исходило от властных структур. Община отличалась удивительной стойкостью. Она пыталась приспособиться к изменявшимся социально-экономическим условиям, вводя некоторые агрономические и технические методы ради совершенствования культуры землепользования.

Однако община всегда олицетворяла патриархальный уклад, выступая традиционной формой крестьянского общежития и трудового сообщества. Существовавшие веками принципы земледелия в общине сдерживали востребованную временем хозяйственную инициативу. Путь

модернизации, на который вступила Россия в конце XIX – начале XX вв., настоятельно требовал свободы предпринимательства, повышения мобильности в обществе, формирования психологии индивидуализма, то есть всего того, что никак не сочеталось с общиной.

Указ 9 ноября 1906 г. крестьянство восприняло крайне настороженно. Как уже отмечалось, запас доверия народа к государственным преобразованиям был чрезвычайно мал. Кроме того, имея явно антиобщинную направленность, реформа вызвала протест со стороны общины. В Среднем Поволжье массово бойкотировали выборы в землеустроительные комиссии. Например, в Симбирской губернии их игнорировало 27 % волостных сходов [5, с. 131]. Ярким показателем противодействия столыпинской реформе в Чувашии стало волнение крестьян Ядринского уезда в 1913 г., получившее в народе название «Атменевской войны» [8, с. 17]. Напуганные выступлениями крестьян дворяне начинали сдавать свои земли в Крестьянский поземельный банк. Всего в Казанское отделение банка за 1906–1908 гг. от помещиков губернии поступило 52 имения площадью более 67 тыс. десятин [8, с. 18].

В ходе столыпинской реформы, наряду с процессом разорения и обезземеливания сельских жителей, усилилась концентрация земли в руках капиталистской части крестьянства. Крестьянский поземельный банк покровительствовал созданию единоличного хозяйства, продавая участки в виде хуторов и отрубов. Тем не менее процент единоличных хозяйств, возникших в результате столыпинской реформы, не был высоким. За 1907–1916 гг. площадь земли, закрепленная в частную собственность, не превысила в Чувашском крае 14 %, отрубники составили всего 4, а хуторские хозяйства – 0,5 % [8, с. 18]. Таким образом, аграрные преобразования в России в начале XX в. пусть медленно, но неуклонно вели к дальнейшему расслоению крестьян, к пауперизации сельского населения, к разложению общины, усилению социальных противоречий в деревне.

Первая мировая война ухудшила положение на селе. Не следует забывать о том, что в годы войны 80–90 % общей численности Российской армии, которая достигала 15 798 тыс. человек, приходилось на долю крестьян [4, с. 32]. В ходе мобилизации запасных в действующую армию деревня лишилась около 50 % трудоспособного мужского населения [4, с. 32]. Гибель крестьян на фронте, постоянные мобилизации в армию вызвали значительное сокращение сельскохозяйственного производства. Изъятие продовольствия для солдат также вело к общему обнищанию крестьян, запустению деревни.

Кроме того, находясь в отрыве от привычного деревенского уклада, переодетые в шинели крестьяне получили возможность со стороны взглянуть на проблемы села, что значительно их революционизировало и подготавливало к противодействию основной аграрной силы страны существующему режиму. Война стала тем реальным внешним фактором, который обнажил внутренние противоречия в обществе и который фактически подтолкнул аграрные слои к революции.

К 1917 г. народы России в основном уже миновали фазу культурного пробуждения, что характерно и для народов Среднего Поволжья. Однако малообразованное марийское, мордовское и чувашское крестьянство, с низким уровнем культуры, задавленное поборами и повинностями, в абсолютном своем большинстве пребывало вдалеке от активного участия в политике. Хотя в то время, когда шел процесс разрушения патриархальных устоев, зарождения товарно-рыночных отношений, ведущих к складыванию буржуазной общественной структуры, в регионе зарождалась национальная интеллигенция, выдвигавшая задачу самоопределения и создания государственности.

Все первые съезды народов Среднего Поволжья, рассматривая различные вопросы (государственного устройства, повышения культурного уровня развития и другие), проходили под лозунгом национального самоопределения. Так, например, первый в истории России съезд малых народов Поволжья (май 1917 г.) обсудил вопросы государственного устройства, режима власти, национального определения, школьного образования будущей России. Съезд единогласно принял решение об открытии в Казани школы для практического изучения восточных языков [1, л. 31]. Апеллируя к низкому политическому и культурному уровню большинства населения страны, представители народов Поволжья высказались против немедленного введения федеративной, но за учреждение демократической республики в России [1, л. 12].

Таким образом, российское самодержавие по отношению к нерусским народам ставило своей целью удержание их в повиновении во имя единства, целостности и обогащения империи. В результате подавлялась этническая самобытность, а национальные окраины использовались в качестве сырьевого придатка. Поэтому этническое крестьянство стало выразителем не только социального, но и национального протеста, органично соединив аграрный и национальный вопросы в единое целое. Национальное движение стало неизбежностью в общей оппозиционности масс, которая в конечном итоге привела к свержению самодержавия.

Библиографический список

1. ГАРМЭ. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 2.
2. Димитриев В.Д. О чувашском ученом и писателе середины XIX века С.М. Михайлове и его сочинениях о чувашах, марийцах и русских Волжско-Сурского края: учеб. пособие. Чебоксары, 2003.
3. Егоров Н.Е. Расцвет чувашской социалистической культуры // В великом содружестве советских народов. Чебоксары, 1974.
4. Кабытов П.С. Антивоенные настроения крестьян как фактор формирования революционного поведения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2004. № 4.
5. Котляров С.Б. Реализация столыпинской аграрной реформы в Симбирской губернии (1906–1916 гг.) // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении: матер. VIII межрегион. науч.-практ. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. М., 2005.
6. Маслихин А.В., Гаврилов Н.Н., Маслихин В.Д. Диалектика общего и особенного развития марийского народа в условиях многонационального общества. Йошкар-Ола, 2002.
7. Никитин Н.П. Борьба КПСС за ликвидацию фактического неравенства народов СССР. На примере автономных республик Поволжья и Приуралья (1917–1937 гг.). Л., 1979.
8. Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Часть 1. Чебоксары, 1989.
9. Сануков К.Н. Образование Марийской автономии // История Республики Марий Эл: современный взгляд (к 80-летию государственности марийского народа). Йошкар-Ола, 2002.
10. VII Конгресс этнографов и антропологов России. Саранск, 9–14 июля 2007 г. / редкол.: В.А. Тишков [и др.]. Саранск, 2007.
11. Хмара Н.И. Национальная и региональная политика в Российской Федерации. М., 2005.
12. ЦДНИ РМ. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 105.
13. Чузаев Р.И. К вопросу о предпосылках государственности мари // История Республики Марий Эл: современный взгляд (к 80-летию государственности марийского народа). Йошкар-Ола, 2002.